

1

В мировом фольклоре известны многие виды финальных формул волшебных сказок (см.: 6; 16; 19; 5; 7; 14; и др.). В их пестром ряду несколько особняком стоит определенный вид концовок: повествователь говорит в них о событиях, которые произошли с ним самим и были неким образом связаны с рассказанной сказкой. Один из вариантов такой формулы хорошо известен на русском материале: **«И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»**

Наряду с этим, встречаются и более пространные и оригинальные рассказы.

2

Концовки такого рода относятся к двум известным типам финальных (а также инициальных) формул. В рамках первого рассказчик указывает на *достоверность* сказочных событий (в концовках — подчеркивая, что сам являлся их свидетелем). В рамках второго он, напротив, указывает на заведомую *нереальность*

рассказанного (в концовках — говорит о себе в шутовском контексте, используя различные «формулы невозможного»).

3

Несмотря на кардинальное отличие в интенции (указать на достоверность/недостоверность рассказа), интересующие нас концовки выстроены по общей модели. Так как речь идет в них о некоем путешествии, перемещении героя-рассказчика, их можно условно разделить на варианты «удачного» и «неудачного пути». Структура подобных формул в обоих вариантах родственна сказочным и мифологическим моделям (сравни у Мелетинского « [Сказки и мифы](#) »), и именно на этой особенности я хотел бы сфокусировать внимание в настоящей статье.

4

Для начала обратимся к более известным концовкам «неудачного пути».

5 1. Вариант «неудачного пути»

6

1.1. **«И я там был»**. Традиционно первое утверждение рассказчика сводится к тому, что он присутствовал в сказочном локусе (чаще всего на пиру) и являлся очевидцем заключительных событий сказки. Об этом говорится прямо, или, реже, косвенно («я с того пира еле ноги домой принёс» ([Абхазские сказки](#) стр. 227) и т. п.). Фраза «я там был» самодостаточна и в концовках «удачного пути» может использоваться без каких-либо дополнений, однако в рассматриваемом варианте это лишь начало истории.

7

Одна из ключевых структурных моделей волшебной сказки — путешествие героя в «тридевятое царство» — загробный мир. Сюжетное построение, как правило, трёхмерно:

- 1 — дорога в иной мир и переход границы из мира живых в мир мёртвых,
- 2 — приключения в мире мёртвых и
- 3 — дорога назад и обратный переход границы.

Примечательно, что сообщаемое героем-рассказчиком о событиях, произошедших с ним на сказочном пиру, в обоих вариантах концовок строится по схожему образцу.

8

1.2. **Несъедобное угощение.** Попав на пир, герой-рассказчик приступает к трапезе: он хочет отведать мёда, ухи, капусты и т. п. Однако все его попытки съесть что-либо оказываются бесплодными: угощение несъедобно, либо попросту не попадает в рот. Модель «И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало» в разных модификациях широко распространена в славянских сказках (см., например, у Афанасьева [3](#), [81](#), [95](#), [103](#), [109](#), [123](#), [124](#), [126](#), [128](#)

,
[129](#)

,
[132](#)

,
[134](#)

,
[135](#)

,
[141](#)

,
[151](#)

,
[157](#)

,
[160](#)

,
[162](#)

,
[182](#)

,
[184](#)

,
[197](#)

,
[202](#)

,
[203](#)

,
[210](#)

,
[251](#)

,
[270](#)

,
[279](#)

,
[284](#)

,
[293](#)

,
[294](#)

,
[322](#)

,
[331](#)

,
[344](#)

,
[379](#)

, и др.) и присутствует в фольклоре других народов (см., например: (

Латышские сказки

, стр. 416). Впрочем, «мёд-пиво» (мёд-вино, мёд) отнюдь не единственное угощение,

которое не съедает герой; встречаются и такие: «Я там был, вместе уху хлебал, по усу
текло, в рот не попало» (Афанасьев,

[81](#)

), «кутью большой ложкой хлебал, по бороде текло — в рот не попало!» (Афанасьев,

[207](#)

), «подали белужины — остался не ужинавши» (Афанасьев,

[124](#)

). Помимо этого, используются и более оригинальные варианты: «кому подносили
ковшом, а мне решетом» (Афанасьев,

[322](#)

); «звали меня к нему мёд-пиво пить, да я не пошёл: мёд, говорят, был горек, а пиво
мутно. Отчего бы такая притча?» (Афанасьев,

[151](#)

); «дали мне блин, который три года в кадучке гнил» (

Сказки Ф.П. Господарева

стр. 217; сравни:

Сказки М. М. Коргулина

стр. 103); «тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел...» (Афанасьев,

[137](#)

); «дали чашку с дырой, да у меня рот кривой — мимо все бежало, в рот не попало» (Сказки и предания северного края

стр. 32); «а рыба-та у них была шшука, я по блюду-ту сшупал, когти-те задрал, ничево не набрал — так голодный и ушол» (

у Новикова

стр. 38) и т. д.

Подобные варианты, несмотря на все разнообразие, подчеркивают одну идею: еда, предлагавшаяся на пиру, вызывала отвращение, либо была неприспособлена для поедания, в результате чего герой-рассказчик не взял ее в рот.

9

Мотив поедания пищи весьма важен в сказочном контексте — на границе иного мира герою необходимо отведать еду мёртвых, несмотря на то, что она антагонистична пище живых и весьма опасна для последних. «...Мы видим, что, перешагнув за порог сего мира, прежде всего нужно есть и пить», — писал В. Я. Пропп, — «Приобщившись к еде, предназначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших. Отсюда запрет прикасания к этой пище для живых» (Пропп, стр. 69). Герой сказок сам просит еды мёртвых у охранника границы и съедает её, переходя, тем самым, в загробный мир. Затем он находит дорогу назад — часто обратный переход возможен благодаря обретенным магическим способностям в форме волшебных предметов или помощников (Пропп, стр. 166—201). С героем-рассказчиком происходит иное: попав на пир, он не может притронуться к угощениям. В соответствии с логикой волшебной сказки, граница в этом случае не может быть преодолена. Посмотрим, соответствуют ли этой ситуации иные элементы концовок.

10

1.3. **Изгнание.** В том случае, когда рассказчик не ограничивается краткой формулой, но продолжает говорить о своих «приключениях», за отказом от пищи следуют *избиение*

и

изгнание

героя: «На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов: „Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка

поскорей со двора!» (Афанасьев,

[234](#)

), «Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!» (Афанасьев,

[137](#)

), «И я там был, вино-пиво пил, по губам-то текло, а в рот не попало; тут мне колпак дали да вон толкали; я упирался, да вон убрался» (Афанасьев,

[250](#)

) и т.п. Иногда идеи объединены в одной рифмованной фразе: «

...Не стала пить, они начали меня бить

. Я стала упираться, они начали драться. Скандальный был пир, на котором я была» (Королькова

, стр. 269. Здесь и далее курсив автора статьи).

11

Таким образом, герой-рассказчик оказывается быстро изгнан из сказочного локуса.

Примечательно, что некоторые концовки говорят именно о несостоявшемся проникновении в сказочное пространство: «Захотелось мне тогда князя с княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг — всю спину сшиб!»

(Афанасьев, [313](#)). Здесь нет идеи отказа от пищи, однако явно выражен мотив неудачи на пути к героям сказки.

12

1.4. Исчезающие дары и возвращение героя. Вслед за рассказом о злополучной трапезе во многих концовках «неудачного пути» речь идет об утрате предметов, полученных на пиру героем-рассказчиком. Примером могут служить такие концовки: «...дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: „Синь кафтан! Синь кафтан!“ Я думаю: „Скинь кафтан!“ — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: „Красные башмачки! Красные башмачки!“ Я думаю: „Украл башмачки!“ — взял да и бросил» (З. 292), «...дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летит и говорит: „Синь да хорош!“ Я думал: „Скинь да положи!“ Взял скинул, да и положил...» (Афанасьев,

[430](#)

; сравни:

Сказки Коргулина

, кн. 1, стр. 405; кн. 2, стр. 103;

Сказки Белозерского края

, 115, 169, 209, 228, 250, 257, 278;

Новиков

, стр. 40—41). Итак, герой-рассказчик получает некоторые вещи, подобно тому, как герой сказки, успешно преодолевший границу, может получать волшебные дары от ее охранителя. Однако, не съев пищи и будучи изгнанным, он теряет все полученное,

терпит неудачу и возвращается ни с чем.

13

Само перемещение героя-рассказчика назад, в обыденный мир из сказочного пространства зачастую происходит комическим, нереальным способом. Если в концовках «удачного пути» герой возвращается пешком или приезжает на коне, то в этом варианте его выстреливают из пушки, он приплывает на весле, приезжает на курице, соломинке и т.п. (См., напр.: Латышские сказки, стр. 377; Сказки Верховины стр. 273; Сказки Зеленых гор, стр. 55; Рошияну, стр. 58—61). Дорога назад, в обыденный мир, происходит явно абсурдным способом («взяли меня за нос и бросили за мос; я катился да катился, да здесь и очутился»: у Новикова, стр. 39). «Формулы невозможного» пародийно подчеркивают здесь нереальность описанных событий.

14

Таким образом, мы видим определенную совокупность мотивов, входящих в концовки «неудачного пути»:

- 1 — утверждение рассказчика о том, что он побывал в некоем локусе, принадлежащем сказочному пространству;
- 2 — сообщение о том, что, попав туда, он должен был съесть некоторую пищу;
- 3 — характеристика еды как невкусной/непригодной к пище;
- 4 — отказ от угощения/невозможность съесть его;
- 5 — избиение и изгнание;
- 6 — стоящие несколько особняком мотивы получения даров с их последующей утерей, а также комического возвращения назад¹.

15

В разных модификациях, вариант «неудачного пути» известен рассказчикам многих народов (см., например: Рошияну, стр. 61—70; Алиева, стр. 98; Сулейманов, стр. 195—196). Подобные концовки сохраняют следы сказочно-мифологических моделей, зеркально трансформированных по отношению к пути героя сказки (и родственных пути героя-антагониста).

16 2. Вариант «Удачного пути»

17

В отличие от рассмотренных финальных формул, вариант «удачного пути» выстроен по

классическому сценарию волшебной сказки. Здесь присутствует мотив испытания едой, но герой-рассказчик не нарушает правила: «Я сам у него в гостях был. Брагу пил, халвой закусил!» (Дагестанские сказки, стр. 64, сравни: стр. 57), «Устроили богатую свадьбу. И меня хорошо напоили, и посейчас живут в счастье и благополучии» (

Грузинские народные сказки

, стр. 140), «Я там недавно была, мёд-пиво пила, в молоке купался, полой утирался» и т. п. (

Сказки Корольковой

, стр. 117. Сравни: стр. 152, 188 и у Афанасьева,

[283](#)

). После этого речь идет уже не об изгнании и бегстве, но о переходе границы и успешном возвращении назад: этот мотив бывает представлен многими элементами, в том числе и латентно — через определённый контраст между описанными локациями.

18

Яркую картину такого рода обнаруживаем в персидских сказках. Приведу один из вариантов, выстроенных по общей модели: «Мы вверх пошли — простоквашу нашли, а сказку нашей правдой сочли. Мы вниз вернулись, в сыворотку окунулись, а сказка наша небылицей обернулась» (Персидские сказки, стр. 188). В данном случае перед нами три противопоставления:

- 1 — простокваша — сыворотка,
- 2 — верх — низ, и
- 3 — быль — небыль.

19

2.1. **Простокваша** — **сыворотка**. В разных вариациях концовок «удачного пути»

герой-рассказчик может

выпивать определенный

напиток, либо же

куп

аться

в нем. Купание в двух жидкостях — известный сказочный сюжет: в молоке и воде, с разными последствиями, купаются как герой, так и герой-антагонист (старый царь). В. Я. Пропп подчеркивал, что этот мотив связан с преображением человека на пути в иной мир и назад (

Исторические корни волшебной сказки

, стр. 321, 341). Как и в сказке, в финальных формулах чаще всего упоминаются две

жидкости: сыворотка (пахтанье) и простокваша, что соответствует двойному

прохождению границы.

20

Вариант концовок, где говорится о выпивании жидкостей («Наверх поспешили — сыворотки попили, вниз спустились — простокваши наелись»: Персидские сказки, стр. 35) в свою очередь отсылает к сказочному мотиву «живой и мёртвой» («сильной и слабой») воды. Эти напитки также используются для перехода между мирами: «мертвец, желающий попасть в иной мир, пользуется одной водой. Живой, желающий попасть туда, пользуется также только одной. Человек, ступивший на путь смерти и желающий вернуться к жизни, пользуется обоими видами воды» (Исторические корни волшебной сказки , стр. 199). Аналогичным образом переход границы героем-рассказчиком сопровождается выпиванием двух разных жидкостей.

21

2.2. **Верх — низ.** Понятия «верха» и «низа» дополняют в рассматриваемых концовках оппозицию «простокваши» и «сыворотки»; в сказочном контексте они, в свою очередь, непосредственно связаны с противопоставлением земного и потустороннего мира. В соответствии с одной из базовых мифологических моделей, иной мир удален от земного по вертикали — вверх и/или вниз. В концовках употребление этих понятий неустойчиво — «верх» и «низ» могут упоминаться рассказчиком как на пути туда, так
об
и об
ратно

. Подобная нестабильность в свою очередь характерна для мифологии и фольклора: система имеет способность «переворачиваться», т. е. понятия «верха» или «низа» оба могут означать как царство мёртвых, так и мир живых (см.:

Иванов В. В. Верх и низ
, стр. 233—234).

22

2.3. Быль — небыль. Третье противопоставление, «быль — небыль», — весьма примечательный мотив, который вводит в рассказ категорию *реальности*, или *отношения к реальности*

. В персидских сказках такие примеры встречаются нередко: «Мы наверх пошли — простоквашу нашли, а сказку нашу правдой сочли. Мы вниз вернулись — в сыворотку окунулись, а сказка наша небылицей обернулась», «А мы низом пошли — простоквашу нашли, верхней тропкой побежали — сыворотку увидели, сказку нашу небылицей назвали. Наверх поспешили — сыворотки попили, вниз спустились — простокваши наелись, стала наша сказка былью» (

Персидские сказки

, стр. 188, 35, 16;

Сказки Исфахана

, стр. 107), и т. п. Как видно, отношение к сказке меняется по разные стороны пересекаемой героем черты: переход границы приводит его в пространство, где сказка оказывается правдой (былью), обратный переход приводит в мир, где сказка является

небылицей. Интересен и такой вариант: «Эта сказка наша — был, вверх пойдёшь — простоквашу найдёшь, вниз пойдёшь — простоквашу найдёшь, а в сказке нашей правду найдёшь» (

Персидские сказки

, стр. 167). Чтобы обнаружить правду в рассказанном, необходимо, таким образом, пересечь границу — сказка признается истиной, принадлежащей иному пространству: то, что нереально в земном мире, реально в потустороннем, и наоборот. Именно так выстраиваются отношения между миром живых и мертвых в фольклоре; мир мертвых — «перевернутый» мир живых, законы и реалии этих локусов находятся в зеркальной оппозиции друг к другу.

23

2.4. Возвращение и передача знания. Мотив возвращения представлен в концовках «удачного пути» в самых разных модификациях. Традиционно рассказчик утверждает, что появился среди слушателей, в данной местности, государстве и т. п., непосредственно из сказочного локуса: «Сейчас я пришёл оттуда и оказался среди вас» (

Абхазские сказки, стр. 29); «Они и сейчас там, а

я к вам пришел» (

Сказки

народов Памира

, стр. 459. Сравни: там же стр. 84, 101, 235, 243), и т. п. Этот мотив часто связан с иной мыслью: в результате перемещения герой-рассказчик передаёт людям полученное им знание («был и я на этом пиру. Вместе с ними брагу пил. Обо всём разузнал и вам рассказал» (

Абхазские сказки

, стр. 26); «я недавно у них была, мёд-пиво пила, с ним говорила, да кой про что спросить забыла» и т. п. (

Сказки Корольковой

, стр. 117. Сравни, например:

Новиков

, стр. 38;

Сказки и предания чуваш

, стр. 67;

Дагестанские народные сказки

, стр. 26, 42;

Сказки адыгских народов

, стр. 89).

Зачастую рассказчик подчеркивает, что сам являлся очевидцем изложенных событий: «а кто эту сказку последний сказал, всё это своими глазами видал» (Сказки братьев Grimm, стр. 95); «а при смерти их остался я, мудрец; а когда умру, всяку рассказу конец» (

Поэтика композиции

, стр. 182) и др. Этим в свою очередь подтверждается достоверность сказочных событий — побывав в ином мире, рассказчик получает знания, которые успешно передает слушателям.

24

Как видим, оба варианта рассмотренных концовок выстроены по сказочно-мифологической модели. В концовках «удачного пути» герой-рассказчик проходит испытание едой — ест на пиру, выпивает некую жидкость или купается в ней, в результате чего преодолевает границу, успешно находится в сказочном локусе. Обретя некие знания, он возвращается назад, иногда проделывая аналогичные операции, и передает знание людям. Вариант «неудачного пути» близок к этой модели, однако путь героя выстроен в обратном (зеркальном) соответствии по отношению к первому варианту. Правила поведения сказочного героя оказываются нарушенными, что влечёт за собой нарушение всей системы — ситуация переворачивается «с ног на голову» с внесением насмешки, шутового контекста. Комизм обращен на фигуру героя-рассказчика, совершающего неудачные действия (не мог съесть еду, был выгнан, утратил дары). Интересно, что в некоторых вариантах таких концовок упоминается шутовской (скомороший)² атрибут — колпак: «...тут мне колпак давали да вон толкали» (Афанасьев, [250](#)), «...надели на меня колпак да и ну толкать» (Афанасьев, [234](#)) и т. п.; в отличие от иных предметов он не исчезает по пути назад (Афанасьев, [137](#)), [234](#), [250](#), [292](#), [430](#), [576](#)).

25

Элементы комизма, присущие варианту «неудачного пути», свидетельствуют в пользу его позднейшего происхождения наряду с иными шутивными финальными формулами. Общая цель таких концовок — смехом вернуть слушателей в пространство обыденного, указать на нереальность описанных событий (См.: Рошияну, стр. 56—70; Ведерникова, стр. 63—64; Успенский, стр. 182; Мелетинский и др., стр. 12—14). В то же время основой для создания этого варианта послужили, как

представляется, концовки «удачного пути»: с изменением статуса сказки, рассказчики трансформировали более архаичные финальные формулы («свидетельства правдивости») в шуточные модели («свидетельства недостоверности»)

3

.

Репертуар сказочников включал теперь оба варианта (как сосуществуют в пост-архаических культурах и разные отношения к сказке), а в некоторых случаях элементы, присущие этим моделям, могли накладываться друг на друга: «...мед пила, по губам текло, во рту сладко было

» (

Сказки и предания казаков-некрасовцев

, стр. 56), «...

вкусно

было, только теперь все

уплыло

»; и т. п.

4

. Таким образом, рудиментарная структура классической волшебной сказки оказалась заложена в обоих — отличных по выполняемой функции — вариантах концовок.

{spoiler title=Примечания}

Дмитрий Игоревич Антонов — к.и.н., старший преподаватель учебно-научного Института русской истории РГГУ.

{/spoiler}